

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В НИДЕРЛАНДАХ

© 2016

Р. Деккер

Цель настоящей статьи — кратко рассказать о некоторых тенденциях в развитии автобиографического письма в Нидерландах в Новое время. По ходу я остановлюсь на некоторых методологических проблемах, попытаюсь ответить на ряд вопросов современной историографии и историографии прошлых лет.

Но сперва — несколько общих соображений о том, как должен подходить историк к изучению автобиографического письма прошедших времен. Прежде всего, историку, занимающемуся автобиографическими документами, нельзя ограничиваться архивными материалами и книгами — о своем предмете он должен узнать на практике. В нашем случае это означает, что он и сам должен вести дневник (по крайней мере, некоторое время), а в какой-то момент — написать автобиографию. В ходе учебного курса по данному предмету я часто на первом же занятии даю студентам задание вести дневник в течение недели. Через неделю я выясняю у них, удастся ли им ежедневно делать записи, не пропускают ли они те или иные важные детали, дают ли кому-то знакомиться со своим дневником и т.д. Часто опыт оказывается чрезвычайно поучительным: каждому, кто пытается изучать, интерпретировать и использовать подобные тексты, дошедшие из прошлого, важно понимать реальные обстоятельства ведения дневника.

Может быть, еще более важный опыт дает попытка написать автобиографию. Хотя, конечно, нельзя требовать этого от студентов, которым едва минуло двадцать лет. Должен признаться, я и сам только недавно попытался сделать это. И эксперимент был очень полезен. Теперь я намного лучше представляю себе трудности, встающие перед автором подобного текста: не так легко решить, что включать, что опустить, что скрыть; для какого читателя действительно предназначен ваш текст и т.д. И еще: насколько можно доверять собственной па-

**ЛИЦО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ**

**Деккер
Рудольф** —
доктор философии,
профессор Утрехтского
университета.
E-mail:

Перевод выполнен по тексту доклада, прочитанного автором на конференции “Автобиографические сочинения в международных исследованиях” (Москва, июнь 2016). Название статьи принадлежит редакции.

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

мяти? После такого упражнения начинаешь подходить к чужим автобиографиям с большей осторожностью, а порой и с большим уважением.

А если автобиографию пишет историк, у него возникает еще одна проблема. Его учили быть объективным и снабжать свои тексты сносками; свою задачу он всегда видел в том, чтобы строго отделять правду от вымысла, от литературы и литературщины. Но ведь автобиография всегда субъективна и в ней всегда присутствует литературность! Искренность здесь не менее важна, чем простая правда факта. Как заметил один из ведущих специалистов в этой области, Пол Джон Икин (Paul John Eakin), “правда автобиографии не есть нечто заданное раз и навсегда — это содержание, развертывающееся и развивающееся в процессе самосозидания”. Автобиография — это “способ жизнестроительства”. Конечно же, историку сама мысль о какой-то “субъективной правде”, в том числе и в автобиографии, представляется опасной ересью. Об этой стороне отношений историков с жанром автобиографии писал Джереми Попкин (Jeremy Popkin) в книге “История, историки и автобиография” (“History, historians and autobiography”, 2005), показав, как пытались решить эту проблему некоторые наши коллеги¹.

Здесь не место подробно говорить о моей собственной автобиографии, за одной лишь оговоркой. В автобиографии каждого историка есть глава о “моем пути к истории” — такое название носит краткая автобиография голландского историка Йохана Хейзинги. Я же скажу лишь о “моем пути к эгодокументам”. В 1970-х годах я работал в Амстердамском университете над диссертацией о мятежах и восстаниях в Голландской республике. Главными источниками для меня были, как обычно, архивные документы, такие как протоколы допросов мятежников и вынесенные им приговоры. Но когда я наткнулся на дневники очевидцев, передо мной зачастую оказывалась совершенно другая история. Тогда я и осознал значение такого рода эгодокументов: расхождения между официальной и неофициальной историей буквально били в глаза. Я задумался, а так ли справедлива твердая убежденность тогдашних голландских историков в решающей роли архивных источников и их настороженность по отношению к личным текстам. Однако обнаружить эгодокументы в архивах и библиотеках, как оказалось, было очень непросто: не существовало никакой методики, позволявшей отыскать подобные источники, спрятанные в семейных архивах или коллекциях рукописей. Поэтому мой следующий проект состоял в том, чтобы с небольшой командой провести систематический поиск по всем голландским архивам и библиотекам. Результатом стал сводный каталог с краткими описаниями всех дневников, автобиографий, мемуаров и других подобных текстов с XVI по начало XIX века, которые мы сумели отыскать. За ним последовал аналогичный каталог, охватывавший весь XIX век вплоть до 1914 года, о пуб-

¹ О последних тенденциях и достижениях в историографии эгодокументов см.: [2].

ликованный в Интернете. В результате в распоряжении голландских историков теперь есть уникальная база данных, к тому же весьма полная, особенно в том, что касается раннего Нового времени, — за прошедшее с тех пор время всплыло всего несколько десятков рукописей этого периода, не попавших в каталог.

Эти проекты финансировались голландским национальным фондом научных исследований (NWO). Тогда, тридцать лет назад, наши старшие коллеги были настроены решительно против нашего проекта: документы такого рода считались ненадежными, годными лишь для изучения экстравагантных случаев или воссоздания атмосферы времени и места. К тому же коллеги предупреждали, что поиск будет тщетным: слишком трезвыми, практичными, рациональными людьми были голландцы и личных текстов они просто не писали — только вели бухгалтерские книги. К счастью, с их возражениями не посчитались.

Здесь нужно кое-что сказать о самом слове “эгодокумент” и его изобретателе Жаке Прессере. Жак Прессер был профессором в Амстердамском университете и вышел в отставку в 1969 году — в том самом, в котором я стал его студентом. Он читал курс по предмету, который сам назвал “эгодокументы”, — по текстам, в которых автор пишет о себе самом: дневникам, мемуарам, автобиографиям. Слово “эгодокумент” было для него просто полезным обобщающим понятием. Он был одним из очень немногих в Нидерландах, кто отстаивал ценность подобных текстов для историка. Одним из первых он прочел дневник Анны Франк, написал о нем и в своем главном труде — истории голландских евреев во времена немецкой оккупации — широко использовал эгодокументы (наряду с интервью, и тем, что позже получило название “устной истории”). И хотя коллеги критиковали его за использование и защиту этих источников, слово “эгодокумент” вошло в широкое употребление и скоро его стали включать в голландские словари.

Спустя более чем тридцать лет отношение историков к эгодокументам полностью изменилось, и не только в Нидерландах. Наш сводный каталог, изданный в начале 1990-х годов, убедительно свидетельствовал, что голландцы писали документы личного характера куда чаще, чем считалось. В последние годы было выполнено много публикаций текстов. Некоторые недавно обнаруженные эгодокументы времен Золотого Века принесли их авторам, ничем до того не известным, таким как Херман Вербеек (Hermanus Verbeek) или Давид Бек (David Beck) заслуженную посмертную известность: их цитируют едва ли не в каждом новом исследовании о данном периоде. Подобная перемена в отношении была общей тенденцией. С 1970-х годов в нескольких странах такие историки, как Алан МакФарлейн (Alan McFarlane), Натали Дэвис (Natalie Davis), Эмануэль Ле Рюа Ладюри (Emanuel Le Roy Ladurie), Джим Амелэнг (Jim Amelang) и ряд других, публикуют важные исследования, осно-

ывающиеся на эгодокументах. Термин “эгодокумент” прижился в нескольких языках. Позже, где-то около 2000 года, понадобился даже еще более общий термин — жизнеописательная литература, охватывающий и биографическое, и автобиографическое письмо. Очевидно, потребность в новых понятиях приводит к созданию неологизмов. Это было столь же верно и около 1800 года, когда вошло в оборот слово “автобиография”, хотя имя его изобретателя не известно. По моему мнению, практическое использование новых слов важнее их строгих определений.

В Нидерландах эта перемена в отношении затронула и сферу истории литературы. Еще лет тридцать назад автобиографии в целом вообще не относили к литературе. Конечно, за некоторыми из подобных текстов признавали литературную ценность, особенно если дело касалось всемирно признанных высших образцов европейского канона — от Руссо, Гёте, Шатобриана, Стендаля и Жорж Санд в начале XIX столетия до таких современных авторов, как Жан-Поль Сартр. Но это воспринималось как исключение, и, что еще важнее, авторы этих автобиографий еще раньше приобрели высокую репутацию как романисты. Однако в 1968 году Стивен Шапиро опубликовал статью, в которой призывал своих коллег — литературоведов и литературных критиков — обратиться к изучению того, что он назвал “таинственным Черным континентом литературы”. С тех пор многое изменилось. Сегодня изучение автобиографий — это вполне оформившийся предмет литературных исследований.

До недавнего времени голландские историки литературы практически полностью игнорировали автобиографическое письмо. Среди них, как и среди историков, существовала убежденность, что голландцы не интересовались самонаблюдением и самоанализом и даже были к ним неспособны. Даже автобиографии двух ведущих голландских поэтов XVII столетия, — Якоба Катса и Константина Гюйгенса [отца прославленного физика — *примеч. перев.*] до недавнего времени почти не вызывали интереса. И в новой многотомной Истории голландской литературы лишь в самом последнем из вышедших томов нашлось место “Черному континенту литературы”.

Важнейшей точкой встречи между историей и литературой, между фактом и вымыслом является автобиографический роман. В голландской литературе этот гибридный жанр занимает столь же важное место, как и в любой другой. Именно к нему можно отнести два самых известных голландских романа XIX века. В первом, “Максе Хэвелааре” Эдуарда Доувеса Деккера, изданном в 1860 году, автор описал собственный опыт жизни в голландской Ост-Индии, заменив географические названия многоточиями. Вторая книга — роман Луи Купейруса “Элине Вере” о жизни высшего общества в Гааге времен *fin-de-siècle*, предположительно основанный на ныне утраченном дневнике его автора[8; 7].

Вероятно, для историка четко отделять вымысел от факта важнее, чем для литературоведа. В принципе, составляя наш каталог голландских эгодокументов, мы сознательно не включали в него тексты, претендующие на принадлежность к художественной литературе, не считаясь с иногда очевидными автобиографическими элементами в них. Однако, мы, историки, должны, со своей стороны, признать, что у каждой автобиографии есть определенные черты художественной литературы.

Несколько цифр

Сначала несколько цифр. В процессе работы удалось отследить около 2 500 эгодокументов (автобиографий, мемуаров, дневников) за период 1500–1914 годов. На графике, построенном моей коллегой Арианной Баггерман, ясно виден резкий всплеск в последней четверти XVIII века. Он заметен по всей Европе. Толчком к нему во многом послужило появление двух книг: “Исповеди” Жан-Жака Руссо (первый том вышел в 1782) и “Тайного дневника” (“*Geheimes Tagebuch*”) немецкого министра Каспара Лафатера (1771). Обе книги приобрели большое влияние в Нидерландах и породили резкий всплеск автобиографического письма около 1800 года. За первое десятилетие XIX века отмечено столько же текстов, сколько их выявлено за все XVI столетие. С этого времени наблюдался устойчивый рост, так что на XIX век приходится в 10–15 раз больше эгодокументов, чем на XVI².

Можно присмотреться и к отдельным поджанрам, например, к воспоминаниям о детских годах. В XVI–XVIII столетиях таких текстов вообще не существовало, а в XIX веке они становятся очень популярными. Можно говорить о том, что авторы автобиографий открыли для себя детство, последовав за Жан-Жаком Руссо, утверждавшим в “Исповеди”, что нужно знать ребенка, чтобы понять взрослого. Это было логическим следствием новых идей о детях и воспитании, появившихся в XVIII столетии, — их выдвинул и отстаивал, в первую очередь, тот же Руссо в знаменитом романе воспитания “Эмиль”. В детстве и отрочестве увидели период, когда закладываются основы будущей личности. Ранее авторы автобиографий очень скупо говорили о первых годах своей жизни, а то и вовсе обходили вниманием этот период, в котором обычно видели впустую потраченное время. После Руссо детские годы стали восприниматься как важнейший период жизни, к которому следует подходить со всей серьезностью. Примерно после 1800 года авторы рассматривают свою жизнь как процесс роста, личностного развития и выстраивают в текстах историю своей жизни. В более общем плане это совпало по времени с превращением историографии из хроники событий в историю развития, в рамках которой прошлое было чем-то радикально отличным от настоящего, но именно тем, что породило настоящее. И мысли ис-

² О долгосрочных переменах на протяжении XIX века см.: [4]. График приводится в [6]. Новейший обзор состояния дел в период с XVI века по начало XIX века см.: [1].

торика Райнхарта Козеллека об этом изменении “исторического сознания” на рубеже XVIII—XIX веков вполне применимы к осознанию человеком истории своей собственной жизни. Часто цитируемые слова “прошлое — это другая страна”, можно уточнить и конкретизировать: другой страной стало и собственное личное прошлое.

Этот новый взгляд на себя — элемент перелома, происшедшего на рубеже веков. Он позволяет понять, почему все больше людей стали описывать в текстах свою жизнь, стремясь вырваться на новый уровень понимания. Но почему в XIX столетии не только куда чаще пишут автобиографии (и ведут дневники, хотя последних гораздо меньше), но и издают их? На этот вопрос мы с Арианной Баггерман попытались ответить, взглянув на роль издателей и появившуюся новую фигуру профессионального литератора.

Уже в начале XIX века по всей Европе наблюдается рост интереса к мемуарной литературе и издается все больше мемуаров. Большинство их написано военными, дипломатами и другими активными участниками событий. Такие книги обычно были не слишком личными и аналитическими. Пример — ставшие бестселлером Мемуары маршала де Граммона, изданные в 1714 года. Некоторые подобные мемуары были написаны “литературными неграми”, другие были полностью вымышленными, как мемуары французского дворянина д’Артаньяна, изданные в 1700 г. во Франции (а четыре года спустя — также и в Гааге), по которым Александр Дюма написал “Три мушкетера” (1844). Д’Артаньян и мушкетеры и сегодня остаются популярными персонажами книг, спектаклей и фильмов.

Издатели в Нидерландах, да и в других странах быстро поняли потенциал продаж книг этого жанра. Собственно, уже сама публикация, породившая всю эту революцию, состоялась по инициативе голландского издателя. Амстердамец Марк-Мишель Рей, постоянный издатель книг Руссо, с 1762 года в письмах убеждал философа написать мемуары. Совершенно очевидно, что издатель рассчитывал получить потенциальный бестселлер. И Руссо, действительно, начал работу над книгой, но потребовал отложить публикацию до своей смерти. К моменту смерти Руссо успел умереть и Рей, но о рукописи прослышали несколько других издателей, и разгорелась борьба за права на публикацию. Предприятие имело мгновенный успех: за первым тиражом в 14 000 экземпляров немедленно последовали шесть или семь пиратских изданий. Два года спустя издатель в Амстердаме выпустил легальное издание, скорее всего, рассчитанное в основном на голландский рынок, поскольку французский язык был здесь языком культурной элиты. О книге много писали в голландской прессе, а из дневников и писем мы знаем, что она была предметом постоянных разговоров в обществе. Под влиянием всего этого голландцы вовсю принялись писать дневники и автобиографии. “Исповедь” Руссо

открыла издателям во всей Европе глаза на коммерческие возможности автобиографий известных общественных фигур. Повсюду в Европе выходят из печати все новые и новые автобиографии. В Голландии издается и множество переводов, в частности, автобиографии Бенджамина Франклина, Сильвио Пеллико, а также многих третьестепенных авторов, о которых сегодня мало кто помнит, вроде немцев Иогана Землера, Арнольда Геерена, Генриха Жокке или Игнация Фесслера. Издатели также побуждали писать автобиографии голландских литераторов. Часто эти автобиографии публиковались сперва в газетах в виде текстов с продолжением. На рынок выплеснулся целый поток автобиографических публикаций, главным образом, прочно забытых ныне третьестепенных писателей и журналистов, а также актеров, которым захотелось в конце карьеры извлечь дивиденды из своей известности. Последовать их примеру неоднократно убеждали и самого успешного голландского писателя XIX столетия Эдуарда Доувеса Деккера, о котором мы уже говорили. Однако хотя сперва Деккер согласился взяться за перо, в конце концов он отказался от предложений, главным образом, потому, что был первым голландским автором, пострадавшим от своего положения знаменитости³.

Наращение числа изданных автобиографий, интереса читающей публики к личной жизни писателей, актеров, политических деятелей, военных и т.п. и коммерческой ценности текстов автобиографий, написанных знаменитостями (или за знаменитостей и под их именами), — все это выступало как самоподдерживающийся и самоусиливающийся механизм и в наше время стало всемирным явлением. Дальнейшее исследование должно включать анализ издательской политики, феномена “литературных негров” и рекламы.

Авторы

Кто был авторами всех этих эгодокументов? К каким социальным кругам они принадлежали? Появление дневника и автобиографии как литературного жанра обычно связывают с подъемом буржуазии в эпоху Ренессанса. Как писал Якоб Буркхардт⁴ в известной книге “Культура Ренессанса в Италии” [“Die Kultur der Renaissance in Italien”] (1860), в распространении автобиографического письма выражался усиливающийся индивидуализм. По мнению Буркхардта, в Средневековье индивидуальность сковывалась семейными связями, феодальными установлениями и церковью, а в Италии XV столетия эти пути ослабли или вовсе исчезли. В подтверждение своей мысли Буркхардт ссылается на примеры художника Бенвенуто Челлини и врача Джироламо Кардано, в чьих поразительных автобиографиях выразились уникальные личности их авторов. Челлини начинает свою автобиографию словами: “Все люди всяческого рода, которые сделали что-либо доблестное или похожее

³ О влиянии Руссо см.: [3].

⁴ Якоб Буркхардт (Jacob Christoph Burckhardt, 1818–1897) — швейцарский историк культуры, один из основоположников культурологии как самостоятельной дисциплины. — *Примеч. перев.*

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

на доблесть, должны бы ... своею собственною рукою описать свою жизнь”. Автобиографии Челлини и Кардано были изданы спустя одно-два столетия после смерти авторов. Более непосредственным образом на развитие автобиографического письма повлияли “Опыты” Мишеля Монтеня, происходившего из семьи торговцев. Монтень — один из отцов-основателей литературы, основанной на самонаблюдении, и его “Опыты”, впервые изданные в 1580 году, послужили источником вдохновения и для многих авторов в Нидерландах. Открыто представлял себя в качестве буржуа и человек, создавший два столетия спустя современный тип автобиографии, — Жан-Жак Руссо.

Подтверждают ли голландские эгодокументы мнение об эгодокументах как жанре средних классов? Старейший из дошедших до нас эгодокументов в Нидерландах — краткая автобиография Эразма⁵. Эразм был человеком скромного происхождения, гуманистом и принадлежал к той же самой группе, что и итальянский врач Кардано. Несколько ранних голландских эгодокументов были написаны учеными, по своему происхождению отнесшимися, как и Эразм, к нижнему среднему классу.

Голландская республика была образцом буржуазного государства. Страной управляла недворянская элита городских регентов, власть реформатской церкви была ограничена, а феодальные узы почти полностью исчезли. Однако при дворе штатгальтеров, принцев Оранских, во множестве создавались эгодокументы. В Голландии, как и в других странах, дворы принцев и монархов были административными и культурными центрами. Здесь писали мемуары и вели дневники еще с XVI века. Нередко первыми это начинали делать правящие принцы и короли. В Голландской республике, например, штатгальтер провинции Фрисланд принц Вильгельм Фредерик ван Нассау вел в середине XVII столетия подробный дневник, опубликованный только недавно. Этот дневник позволяет гораздо лучше понять не только повседневную работу правительства, но и повседневную жизнь и сокровенные мысли самого автора, часто высказывавшегося с удивительной откровенностью. Немало эгодокументов того или другого вида оставили и другие члены Оранского дома.

Интересно, что штатгальтер принц Вильгельм V в 1782 году одним из первых познакомился с “Исповедью” Руссо — он прочел книгу почти сразу после выхода из печати. Мы знаем об этом из записи в дневнике одного из его придворных, барона Гийсберта-Яна ван Харденброека. В разговоре со штатгальтером он прямо спросил, прочел ли тот “Исповедь” Руссо. Принц ответил утвердительно. Барон высказал мнение, что «некоторые моменты в “Исповеди” Руссо прямо напоминают чувства и обстоятельства принца». Удивительно, но принц Вильгельм согласился с этим весьма провокационным замечанием. Влияние Руссо прослеживается и в мемуарах жены Вильгельма принцессы Вильгельмины Прусской⁶.

⁵ Видимо, имеется в виду “Compendium vitae” Эразма Роттердамского — жизнеописание философа, содержащееся в письме его близкому другу от 1524 года. — *Примеч. пер.*

⁶ О роли дворянства см.: [5]

Самый важный голландский дневник XVII века также создавался при дворе принцев Оранских. Это дневник, который вел Константин Гюйгенс Младший, секретарь штатгальтера-короля Вильгельма III. Гюйгенс постоянно был рядом с принцем Вильгельмом и сопровождал того в Лондон во время Славной Революции 1688 года, когда Вильгельм был коронован как король Англии. И в Голландии, и в Лондоне Гюйгенс находился в центре всех событий при дворе. Его дневник был частным и был полон придворных сплетен. Он служил чем-то вроде записей для памяти, поскольку на его страницах Гюйгенс изо дня в день анализировал светские отношения между придворными и королем. Дневник производит впечатление чего-то вроде регулярных записей астрономических наблюдений, где король Вильгельм играет роль центрального светила, а придворные вращаются вокруг него на различных орбитах. Дневник Гюйгенса насчитывает больше 2 000 страниц, и записи в нем делались ежедневно с регулярностью часов. Таким образом, этот дневник отражает также появление нашего современного ощущения времени как постоянного линейного потока. В обоих этих свойствах дневника Константина Гюйгенса обнаруживается связь с научной работой его брата Христиана Гюйгенса, знаменитого ученого, изобретателя маятниковых часов и первого, кто обнаружил кольцо вокруг Сатурна. Дневники придворных вроде Гюйгенса часто были для их авторов своего рода компасом, помогавшим им прокладывать путь в беспокойном микрокосме княжеских и королевских дворов. Самый известный пример такого рода — мемуары близкого современника Гюйгенса французского аристократа герцога де Сен-Симона. Эти мемуары — один из важнейших источников сведений о жизни двора Людовика XIV. Их широко использовали Норберт Элиас и Эммануэль Ле Руа Ладюри в своем исследовании придворной культуры [9; 11].

Если вернуться к общей картине, то можно заметить, что доля авторов, принадлежавших к среднему классу, постоянно росла, особенно с начала XIX века. Резко росло и число эгодокументов, написанных по-голландски. В прежние века среди ученых и представителей высшего сословия было принято писать на латинском или по-французски. Латынь была международным языком ученых, французский — разговорным языком элиты. Одна голландка, Магдалена ван Шинне, которая около 1800 года вела свой дневник по-французски, была недавно даже включена Филиппом Лежёном в его исследовании в число самых важных французских авторов дневников. Расширение использования голландского языка в эгодокументах после 1800 года отражает рост числа авторов из среднего класса, которые и писали по-голландски.

Каков был вклад низших классов? Понятно, что до XVIII столетия невелик. Хотя уровень грамотности в Нидерландах был относительно высок, лишь немногие дошедшие до нас эгодокументы принадлежали чернорабочим, матросам или крестья-

нам. В XIX столетии число таких документов медленно растет. Особенно часто писали их люди, сумевшие добиться в жизни успеха и на склоне лет вспоминая о проведенных в бедности молодых годах. В конце XIX столетия пользовалась популярностью книга Ниил Дофф, вспоминая о своей юности в Амстердаме, когда ей, чтобы выжить, приходилось заниматься проституцией. Но более многочисленными авторы из низших классов стали лишь в XX веке.

В Нидерландах мало кто из чернорабочих или фабричных работников предавался писанию автобиографии — не то, что в Англии, где они часто вдохновлялись социалистическими идеями. Была, однако, весьма специфическая категория эгодокументов, создававшихся в Нидерландах авторами очень простого происхождения. Удивительно, но часто это были женщины. Я говорю о религиозных автобиографиях, написанных ортодоксальными реформатскими авторами и описывающих опыт обращения авторов в истинное христианское благочестие. Зачастую авторы принадлежали к мелким крестьянским или рыбацким общинам, и их брошюры нередко печатались небольшим тиражом местными типографами или книжными лавками. Начиная с XVIII века количество подобных маргинальных публикаций постоянно росло. Некоторые из таких религиозных автобиографий приобретали популярность и переиздавались по двадцать и более раз. Но при этом их печатали, продавали и читали только в самих этих общинах. Университетские и другие официальные библиотеки таких брошюр не покупали. Во многих случаях первые издания не сохранились. Хотя подобные автобиографии носят, в основном, чисто религиозный характер, авторы обычно кое-что сообщают и о своей частной жизни. Сегодня эти книжечки можно порой недорого приобрести у букинистов, и я пытаюсь по возможности собирать их. Среди них попадаются и такие, которых не найти ни в одной официальной голландской библиотеке. Интересно, что среди их авторов женщины встречаются гораздо чаще, чем среди авторов других поджанров автобиографического письма. Если в целом среди авторов эгодокументов, написанных до начала XIX столетия, женщин меньше 10%, то в данном поджанре примерно половина авторов были женщинами. Очевидно, это многое может сказать о положении женщин в подобных ортодоксальных религиозных группах, находившихся вне официальной Нидерландской реформатской церкви. В этих изолированных общинах, сегодня насчитывающих примерно 300 000 членов, такого рода автобиографическая традиция сохранилась до сих пор: в Нидерландах все еще издаются в частном порядке истории религиозного обращения.

На этих примерах я попытался показать, что социальное происхождение авторов эгодокументов варьировалось в широких пределах — от высших слоев общества до самых низших классов и что в XIX столетии этот диапазон еще расширился.

Мотивы, стимулы и интерпретации: дневники 1940–1945 годов

Р. Деккер
Долгосрочные
тенденции
автобиографиче-
ского творчества

Последний предмет, на котором я хотел бы остановиться, — дневники, которые велись во время Второй Мировой войны и германской оккупации. Один из таких дневников — возможно, самый известный в мире, — дневник Анны Франк. Он переведен почти на все языки мира и занимает почетное место среди десяти бестселлеров всех времен. Но это — лишь один из множества дневников, которые велись в те годы. Замечено, что в драматических обстоятельствах люди чаще склонны вести дневники. На протяжении всей истории Нидерландов во времена потрясений всегда появлялось больше дневников, а впоследствии — и мемуаров, написанных теми, кто пережил бурные времена. И в других странах периоды, подобные времени французской революции на рубеже XVIII–XIX веков, демонстрируют такие же всплески. Период оккупации также породил появление после 1945 года потока мемуаров, не прекратившегося и в наши дни.

В случае Анны Франк дополнительным стимулом был переданный в радиообращении из Лондона призыв Правительства Нидерландов в изгнании ко всем голландцам вести дневники и документировать все происходившее в это страшное время. У Анны Франк был и более личный мотив — желание стать писательницей. В ее дневнике отражается чтение популярных книг для девочек: дневники героини — частый элемент содержания подобных книг, написанных в 1920-х и 1930-х годах. Возможно, ни один другой дневник не исследовался так скрупулезно, включая стадии его написания и моменты редактирования текста дневника отцом Анны перед публикацией.

После войны в Нидерландах был основан специальный институт для сбора и изучения материалов об оккупации. Его нынешнее название — Институт войны, холокоста и изучения геноцида. Институт систематически собирал дневники военных лет, и сегодня в его коллекции несколько сотен таких документов.

Большой массив дневников военных лет позволяет проводить количественные исследования, не ограничиваясь одним лишь углубленным анализом единичных текстов. Однако, поскольку дневники (как и любые эгодокументы) носят глубокий личный отпечаток и резко отличаются друг от друга, — подобные исследования наталкиваются на свои специфические проблемы.

Это обстоятельство наглядно иллюстрируется недавним исследованием, результаты которого были опубликованы в 2012 году. Историк Барт ван дер Боом проанализировал 164 дневника военных лет, чтобы определить, знал ли средний голландец, что происходило с евреями после депортации в Восточную Европу. Не обнаружив в дневниках упоминаний о газовых каме-

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

рах, он утверждал на этом основании, что голландцы понятия не имели об “окончательном решении еврейского вопроса”. Общественность в Нидерландах восприняла заключение историка с облегчением: оно смягчало чувство коллективной вины за этот черный эпизод в истории страны. Книга сразу же получила самую престижную в стране премию за лучшее историческое исследование.

Но ведь очевидно, что заключение автора, основанное на “нулевой информации”, вводит в заблуждение. Дневник вообще, и уж, конечно, дневник военного времени нельзя рассматривать как простую запись мыслей его автора, как полное и прозрачное отражение личной рациональности. Историк должен прочитывать такой дневник вовсе не как объективный источник, из которого можно извлекать подлинные факты, не говоря уже о возможности извлекать из него “доказательства, выводимые из умалчивания”. Чтение дневников военных лет наглядно показывает, насколько путанными и внутренне противоречивыми могут быть такие тексты и как они могут вводить читателя в заблуждение. Во многих дневниках та или иная информация бывает сознательно опущена, а иногда авторы прямо замечают, что писать обо всем, что знаешь, слишком опасно. Некоторые дневники сохранились с вырванными страницами и стертыми или затушеванными фрагментами. Во многих случаях люди делали записи не для того, чтобы выразить свои страхи или зафиксировать тревожную правду, но, напротив, с целью рассеять страхи. Описание своих худших страхов только делает их еще реальнее, а вот написать о надеждах — значит сделать их более конкретными. Если внимательно прочесть многие из этих текстов, не упуская из виду их субъективность, можно прийти к заключению, очень отличному от того, что вынес Ван ден Боом. Это же приводит и к совершенно иной интерпретации имеющихся в этих дневниках умолчаний [2, р. 40–42; 10].

В заключение позвольте мне снова сослаться на личный опыт, связанный с эгодокументами. Около года назад я смотрел новый телевизионный документальный фильм о Нидерландах послевоенных лет, куда вошли недавно обнаруженные киноматериалы: фильм начинался кадрами о вступлении канадских войск в Амстердам в мае 1945 года. Люди приветственно размахивали руками, поднимались на танки и так далее. Внезапно камера выделила крупным планом из центра толпы знакомое мне лицо: это была моя мать. После этого моя дочь напомнила мне, что все эти годы мама вела дневник и он до сих пор хранится где-то на чердаке. Дочь нашла его, отыскала дату, и действительно, к нашему удивлению, оказалось, что моя мать в тот же самый день написала, как она вскочила сзади на канадскую военную машину, проехала на ней через весь город и ее фотографировали больше двадцати раз. Теперь этот снимок стал, чуть ли не иконой: я видел его в натуральную ве-

личину и в Амстердамском историческом музее, и в Амстердамском музее Сопротивления. Однако здесь есть загадка. В рукописи дневника в самой середине записи есть пятно. Тут же рядом объясняется, откуда оно взялось: “Пятно от капли, упавшей с цветка ириса в моих волосах. Ношу ирис, потому что не хочу носить ничего оранжевого”⁷. Я хорошо понимал это, поскольку моя мать была противницей монархии. Однако в фильме в ее волосах оранжевый цветок. Оранжевых ирисов не бывает — не был ли черно-белый снимок впоследствии покрашен? Сегодня этого уже не проверить, но мою мать, не спросив, превратили в сторонника правящей династии⁸.

Это — мелкая деталь, но она показывает, что эгодокументы могут дать нам новую и совершенно неожиданную информацию. Они могут дать ответ на многие вопросы, но и сами могут поставить новые.

Литература

1. *Baggerman A., Dekker R.* Autobiografisch schrijven in Nederland: ontwikkelingen van de zestiende tot in de negentiende eeuw // *Egodocumenten van Nederlanders uit de zestiende eeuw tot begin negentiende eeuw.* Amsterdam: Panchaud. 2016. P. 7–25.

2. *Baggerman A., Dekker R., Mascuch M.* Egodocuments and history. A short account of the longue durée // *The Historian.* 2016. Vol. 78. P. 11–56.

3. *Baggerman A., Dekker R.* Jean-Jacques Rousseau en zijn “Confessions” in Nederland in de negentiende eeuw // *De Negentiende Eeuw.* 2013. N 37. P. 36–57.

4. *Baggerman A.* Lost time. Temporal discipline and historical awareness in nineteenth-century Dutch egodocuments // *Controlling Time and Shaping the Self. Developments in Autobiographical Writing since the Sixteenth Century.* Leiden: Brill, 2011. Ser. *Egodocuments and History* 3. P. 455–541.

5. *Baggerman A., Dekker R.* Selbstzeugnisse, eine Literaturgattung des Adels? // *Adelige über sich selbst. Selbstzeugnisse in nordwestdeutschen und niederländischen Adelsarchiven.* Münster: LWL-Archivamt für Westfalen. 2015. *Westfälische Quellen und Archivpublikationen* 29. P. 11–21.

6. *Baggerman A.* Travellers in time. Nineteenth-century autobiographers and their fight against forgetting // *Les écrits du for privé en Europe (du Moyen Age a l'époque contemporaine).* Enquêtes, analyses, publications. Bordeaux: Preses Universitaires de Bordeaux, 2010. P. 65–81.

7. *Couperus L.* Eline Vere. Brooklyn: Archipelago Books, 2010.

8. *Dekker E.D.* (Multatuli). Max Havelaar or. The coffee sales of a Dutch Trading Company. Harmondsworth: Penguin, 1987.

9. *Family, culture and society in the diary of Constantijn Huygens jr, secretary to Stadholder-King William of Orange.* Leiden: Brill 2013. Ser. *Egodocuments and History* 5.

10. *Morina Ch.* The bystander in recent Dutch historiography // *German History.* 2014. Vol. 32. P. 101–111

11. *The diary of Constantijn Huygens Jr, secretary to stadholder-king William of Orange.* Amsterdam: Panchaud. 2016.

12. URL: <http://hart.amsterdammuseum.nl/nl/page/54813/mijn-oma-en-de-bevrijding>.

⁷ Оранжевый цвет — цвет, ассоциирующийся с домом Оранских (“Оранжевых”) — правящим домом Нидерландов. — *Примеч. перев.*
⁸ См. вебсайт Амстердамского музея [12].